

Где эта улица, где этот дом...

Улицы нашего детства

От нашей улицы осталась лишь половина, она идёт от Дома офицеров вниз к Гончаровой и называется теперь именем брата Ленина – Дмитрия Ульянова, а вот самого дома, где мы жили, да и соседних домов не сохранилось – их снесли, когда началось строительство Ленинского мемориала. Раньше это была улица Труда, правда, когда мы на ней поселились, ничего «трудового» за ней не замечалось, скорее, наоборот. Чуть выше нашего двора была спецшкола для детей со слабым развитием. Сами ученики называли её школой дураков, хотя нам, 12-летним, вовсе не казалось, что мы чем-то от них отличаемся.

А. Егуткин. Портрет жены

Приехав с Урала, я не умела говорить, как было принято в Ульяновске: с тягучими интонациями, вроде: «Да-а-а?» То ли вопрос, то ли утверждение! Тёплую уличную телогрейку почему-то называли фуфайкой, а у нас в Свердловске так звалась обычная кофта. Вместо «что» некоторые люди говорили «чово». А уж про игры и говорить нечего: «ляпы» называли «догонялками», беговую лапту – «гуси-лебеди». В «штандер» тоже играли по-другому. Саранки – рыжие в крапинку цветы – здесь называли лилиями, хотя я всегда знала, что лилии плавают по воде.

И одевались иначе. Мама, носившая в Свердловске шляпку с цветами, уже на вокзале услышала от мальчишек: «У тётеньки на голове огород». Я же свою шапку, как только выходила из дома, запихивала в портфель и вытягивала из-под пальто тёплый платок, чтобы быть как все девочки в классе. Всё это я проделывала перед большими окнами соседнего банка – самого внушительного здания нашей улицы, единственного в городе тако-

го учреждения. Теперь же только на улице Гончарова я насчитала больше десяти банков! Недавно узнала, что помещения огромного здания Центробанка теперь сдаются в аренду, а сам офис переехал в другой город. С

грустью подумала: вот бы передать это величественное сооружение художественному или краеведческому музею – сколько лет они ютятся в одном здании с протекающей крышей! Когда-то музей-памятник

Аркадий Егуткин. 1955

Галина Печёркина. 1955

В 10-м классе

Галина Печёркина (крайняя слева) с родителями и сестрой

И.А. Гончарову на Венце был возведён на пожертвования состоятельных граждан. Нынешние миллионеры вряд ли раскошелятся на подобное здание. Зато на гостиницу «Хилтон» (теперь уже «Редисон») средства нашлись... Это вместо обещанного здания цирка (именно на этом месте когда-то в летнее время ставили цирк «Шапито»). Зимой здесь заливали каток – небольшой, но он всегда был многолюдным.

Венчал нашу улицу Труда зелёный сквер, последний на улице Гончарова, огороженный раньше, как и все остальные скверы центральной улицы, чугунной решёткой.

Памятным для меня остался старинный деревянный дом возле нашего двора, чуть выше углового здания, что напротив банка (до революции это была частная типография, а в наше время – Дом политпросвещения и Народный университет). В деревянном доме с мезонином, о котором я говорю (его теперь нет), жила замечательная семья моей первой учительницы русского языка и литературы Клавдии Алексеевны. Чтобы попасть в их дом, нужно было со двора пройти мимо шеренги роскошных георгинов, которые выращивала её сестра. Их обычно приобретали на большие торжества. В доме, пахнущем стариной, было много замечательных вещей, но больше всего запомнился удивительный «кинескоп» в форме деревянного ящика с окошечком. Заглянешь в глазок – и перед тобой сцена с артистами. А это просто фото, но как в голографии с живыми лицами –

Мама и папа. Ульяновск, 1950

Аркаша (справа) с братом Борей на фоне родной 1-й Ленинской школы, которую потом окончили наша дочь Анна и внуки. Ульяновск, 1957

смотришь на тебя внимательно, и только по одежде понимаешь, что снимок сделан много лет назад. В память об этом доме мы храним подаренный в чёрной резной раме портрет А.П. Чехова. Не сразу заметишь под стеклом, что он составлен из мелко написанных от руки нескольких рассказов Антона Павловича. Муж Клавдии Алексеевны – инженер, принимал участие в строительстве железнодорожного моста через Волгу – любимого нашего ажурного моста, построенного всего

за два года (1914–1916) – это при той-то технике! Невероятно... Новый-то мост строили, хоть и с перерывами, почти сорок лет!

У нашего дома по улице Труда, 7 оказалась очень короткая биография, и вот почему. Мало кто теперь помнит про знаменитое «спиртовое дело» послевоенных лет, сфабрикованное НКВД. Повзрослев, я узнала, что это было за «дело», из-за которого покончил с жизнью отец моей подруги Лили Соколовой. Один из руководителей партизанского сопротивления в Белоруссии, он был назначен в Ульяновск заместителем начальника НКВД Кремяна, ставленника Берии. С самого начала отношения между ними не сложились. Выступая против несправедливого обвинения большой группы партийно-советских работников в расхищении спирта на заводе Володарского, он понял, что будет арестован. Спасая от ареста семью, Соколов покончил с собой. Позже Лилина мама рассказала, что Кремян тут же приехал к ним домой без охраны, перерыл все вещи, забрал документы покойного. Лилия, умница в отца, окончила школу с золотой медалью, потом – Казанский химико-технологический институт, занималась разработкой ракетного топлива. Её старший брат Вадим Соколов стал народным артистом РСФСР, младший – офицером Советской армии. Это будет потом, а пока... Всё руководство Ульяновска во главе с первым секретарём обкома партии Терентьевым было уволено. Понадобились новые сотрудники. Их присылали из разных мест. Семья Гончаренко приехала

с Украины, из Краснодара – Николаевы. Прибыли (не помню откуда) Праведновы, Коховы, Степаненко, Гуренковы. Кискины, а потом и Печёркины были направлены в Ульяновский облисполком из Свердловска. Мой папа, инженер-экономист по профессии, попав, как тогда говорили, в номенклатуру, как и другие члены партии, собой не располагал, и уже не мог после войны вернуться в родной Ленинград.

Жилья в Ульяновске на всех приезжающих не хватало, и в спешном порядке начали строить два восьми-квартирных дома в глубине двора на улице Труда. Нашу квартиру в Свердловске уже отдали трижды чемпионке мира по конькам Римме Жуковой, и какое-то время мы с мамой и сестрой жили с ней вместе. Римма брала меня на стадион, и коньки стали потом моим любимым видом спорта.

В Ульяновск мы перебрались летом 1949 года – сначала в гостиницу, что была с торца драмтеатра. Напротив гостиницы с раннего утра выстраивалась очередь за хлебом. В магазин впускали только по номеркам, написанным на руке. Ещё хорошо помню: за зданием театра и гостиницы была большая куча мусора и битого кирпича, по ней лазили и кидались камнями мальчишки, и я боялась ходить мимо. Говорили, что это развалины Троицкого собора, якобы сгоревшего. Пыль летела во время сильного ветра в сторону памятника Ленину, и тогда дворничиха поливала кучу из большого чайника.

Наш новый двор тоже был засыпан строительным мусором и щебёнкой. Все новосёлы дружно взялись наводить порядок. Небольшие квартирки (по четыре в каждом подъезде) имели очень узенькие окна и малюсенькие форточки, через которые в зимнее время трудно было просунуть сетку с продуктами – никаких холодильников тогда не было, как и парового отопления, и горячей воды. Зато у меня был прекрасный, купленный в комиссионке (на выигранные по лотерее деньги) трофейный велосипед «Мифа». Я носилась на нём по площади и мимо Дворца книги (только там и был асфальт). Мальчишки выбивали мне спицы, беря на таран, а колени и локти у меня всегда были в ссадинах. Я могла на спор проехать на велосипеде «без рук» и даже «ноги на руль». Сосед Вовка регулярно чинил мой

↑ После велосипедной прогулки. 1952

велосипед, ворча и ругаясь. Когда мы летом загорали на сарае, он обливал меня из форточки шлангом с холодной водой, а потом на выпускном вечере предложил выйти за него замуж.

Двор наш постепенно преобразился. Посадили деревья и мальвы, под окном соорудили лавочки, а за домом – столик. Вечером выносили самовар и играли в карты, вели беседы.

Самыми близкими по двору на многие годы станут супруги Ливинтовы, приехавшие из Ленинграда по приглашению пединститута. Николай Григорьевич ушёл на фронт добровольцем прямо со студенческой скамьи, сражался на знаменитом Невском пятачке, был четырежды ра-

↓ На Волге. Ульяновск, 1953

нен. Его спасла лейтенант медицинской службы и будущая жена Варвара Александровна, ставшая потом заслуженным врачом РСФСР. Профессор-историк, автор восьми книг и сотни статей, Николай Григорьевич воспитал целую плеяду учеников – они издали сборник его стихов «Раздумья». Вот одно из стихотворений, которое он написал на фотографии моего мужа, с которым они любили подолгу беседовать:

*Кто подвигнет тебя к небесам,
Кто низвергнет тебя с высоты?
Только ты.
Чем расплатишься ты
за проигранный бой?
Лишь собой.
Что сказать мне тебе,
и любя, и скорбя?*

Верь в себя, верь в себя, верь в себя. Забегая вперёд, хочу сказать, что большой графический портрет Николая Ливинтова, написанный Аркадием Егуткиным, мы непременно передадим в дар кафедре истории Ульяновского педагогического университета, где учёного помянут и любят.

Много лет проработает в пединституте Лидия Георгиевна Шахова – лучший преподаватель зарубежной литературы, автор книги «Романтизм» – ценного пособия для учителей и аспирантов. Умница и отличница, Лидя на долгие годы станет моей подругой и наставницей. Она много читала и часто высказывала недовольство, когда под её окнами в нашем дворе колотили мячом на волейбольной площадке или орали: «Штандер!» Зимой я часто просиживала в её комнате на сундучке и, затаив дыхание, слушала историю «Отверженных» Гюго и «Собора Парижской Богоматери», и ещё чего-то, что не успевала читать, мотаясь то на коньках, то на велосипеде, то на лодке.

Остров Серёдыш, куда мы перебирались в хорошую погоду, был любимым местом отдыха за неимением городского пляжа. Он навсегда остался под водой, когда в конце 1950-х стали строить Волжское водохранилище. Рассматривая свои школьные фотографии, с трудом верю, что эти в три обхвата дерева росли на Серёдыше – чудном острове напротив художественного музея. Перебираясь туда через небольшой пролив, мы ужасно боялись, когда лодку несло по течению к мосту, который строго охранял-

ся военными. Как-то раз нашу лодку чуть не потопили пьяные парни, и всё из-за моего длинного языка. Я стала ругаться, когда они пытались таранить нашу хилую плоскодонку, заливавшуюся водой. Тогда они выбросили в воду наши вёсла и всю одежду. Не помню, кто нас спас, кажется, Генка Кулагин, гроза хулиганов, с которым мы потом подружились.

Однажды вечером на улице Труда меня окружила ватага парней шпанского вида. Стали дёргать за бантики, хихикать, «брать под локоток». Но стоило мне произнести имя Генки Кулагина, как они тут же слиняли.

Зимними вечерами, когда рано темнело, я, оглянувшись, чтобы сзади никто не шёл, со всех ног вбегала в свой длинный, окружённый сараями двор и врывалась в подъезд (раньше они не запирались).

Зимой нас радовали огромные сугробы, и мы делали «бабочки», падая в снег во весь рост, а потом двигали руками вверх-вниз, рисуя крылышки. Снежные бабы с красными носами-морковками стояли во дворах, как сторожевые с метлами, и никто их не рушил, пока они сами не начинали таять от весеннего солнца.

После свердловского двора с кучей каменного угля и большой помойкой наш зелёный дворик полюбился мне на все десять лет, что мы там прожили. Постепенно в доме все перезнакомились, подружились, даже завели небольшие грядки, где сажали разную зелень. Но однажды был такой курьёзный случай. В доме, построенном после наших двух, выходившем на улицу (он и теперь ещё жив), поселился молодой, но важный начальник. Около своего подъезда он выгородил себе отдельный участок и обнёс его досками. Соседи тихо возмущались, но сказать ему не решались. И тогда мы, ребята, ночью в темноте растащили весь этот незаконный забор. Его хозяин грозился пожаловаться, справедливо подозревая меня в организации хулиганства, но дело замяли, а загородку он больше не ставил.

Мы очень любили играть во дворе в волейбол, но сетку у нас неоднократно воровали, и тогда мы натягивали простую бельевую верёвку.

Я училась в девятом классе, когда после короткого «делового» знакомства к нам во двор стал заходить с

папкой под мышкой Аркаша Егуткин. Уставший, но довольный после этого он приходил к своему однокласснику Адьке Приходько. С высоты балкона они оба поглядывали на нас с неким превосходством, поплёвывая семечки. Я, маленькая, но шустрая обычно стояла в волейболе на подаче и забивала мяч не хуже мальчишек.

Ко Дню Победы мы с Лилей Соколовой решили поставить спектакль о Зое Космодемьянской – Герое Советского Союза. Кружков в школе не было, и мы репетировали дома. У меня уже был какой-никакой опыт по Свердловску, где в 4-м классе мы ставили «Хижину дяди Тома». Теперь задача была сложнее. Для партизанского отряда нужны были мальчишки, а наша школа № 3 была женской. Через Юрку Москаленко, с которым мы познакомились в пионерском лагере, я передала записку секретарю комсомола девятого класса мужской школы № 1 с просьбой подобрать несколько человек, кто захочет принять участие в постановке. Сам секретарь Аркадий Егуткин от участия отказался, но его на скромную роль всё же уговорили. Наш учитель рисования, замечательный художник Пётр Григорьевич Панин сделал впечатляющую декорацию партизанского леса. По бокам сцены стояли живые деревья, в центре полыхал «костёр», сделанный из красных лоскутов и вентилятора. Я как режиссёр отвела себе главную роль (позднее я осознала: лучше бы Зою играла высокая, стройная Лиля). Аркадий, заглядевшись на героиню, забыл свою единственную реплику, которую ему шептали даже с первого ряда. На этом его театральная карьера завершилась, зато с этого позорного факта началась наша дружба, которая длится вот уже 70 лет.

Аркаша вскоре начал заниматься в изостудии Дворца пионеров (в этом здании теперь театр кукол), а я так и не прибилась ни в один драмкружок, стесняясь своей плохой памяти после того, как на школьном вечере забыла концовку стихотворения Некрасова «Парадный подъезд».

Наш двор из-за выломанных в заборе досок был почти проходным, и все, кто торопился в кино в Дом офицеров, лезли через дырку в заборе, чтобы быстрее добраться до кинозала.

Никуда не торопился только Витя-соловей. Он сидел на заборе и

громким голосом распевал итальянские песни – по общему признанию, не хуже Робертино Лоретти. Когда в Ульяновск приехал с концертом знаменитый чтец Сурен Кочарян (он прекрасно исполнял «Витязя в тигровой шкуре»), мы с мамой (она была подругой жены Кочаряна) рассказали ему про Витю-соловья. Он захотел его послушать и готов был показать самородка своему другу – дирижёру Большого театра. Назначили встречу. Но Витя не пришёл. «Значит, не судьба», – сказал Сурен Акимович, сидя с мамой за чашкой чая. Его жена была родной сестрой первой жены Лемешева, и они отлично знали, каким трудом и упорством простой шофёр, скромный паренёк шёл к своему призванию, прежде чем стал знаменитым артистом.

Как-то, проходя по улице Труда, известный оперный певец Виргилиус Норейка, который только что вернулся из Италии, где учился вокалу, услышал из окон Дома офицеров Витю – он занимался там в вокальной студии. Норейка сказал: «Мне бы такой голос!»

Прошло много лет. Как-то вечером в картинной галерее Союза художников Аркадий Ефимович обратил внимание на нового охранника – полного пожилого человека. В лице мелькнуло что-то знакомое. «Скажи, ты на улице Труда на заборе пел?» – спросил Егуткин. Тот немного смутился. «Пел», – признался он. «А что же не пришёл, когда тебя пригласили на прослушивание?» – «А мне никто не сказал...»

С ним в студии занималась моя близкая подруга. Её уже нет на свете, и я казнюсь до сих пор, что так и не узнала, передала ли она Вите приглашение или забыла.

Вспомнился наш ровесник Миша Егоров. На смотрах я читала стихи, а он красивым своим голосом (но не лучше Витино) пел забытую теперь песню: «То берёзка, то рябина, куст ракиты над рекой. Край родной навек любимый, где найдёшь ещё такой?» Он стал солистом Мариинского театра и считался лучшим исполнителем арии Ленского.

Так всё же: судьба или не судьба, как сказал артист Кочарян, проживший очень непростую жизнь...

Галина Печёркина
(Продолжение следует.)